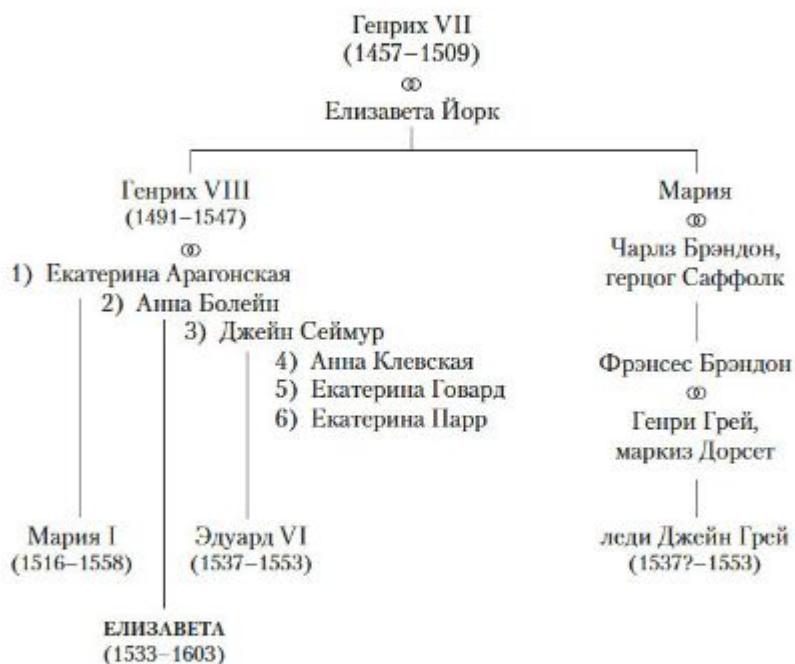

ТЮДОРЫ

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

ДОЧЬ КОРОЛЯ

ГЛАВА 1

1536

Жарким безветренным июльским утром леди Мэри, дочь короля Генриха Восьмого, въехала верхом на белой лошади во внутренний двор большого загородного дворца Хэтфилд. За ней следовали четверо камердинеров, две фрейлины и женщина-шут.

Спешившись, она тут же наклонилась поцеловать маленькую девочку. Следуя напоминанию няни, та присела в неуклюжем реверансе перед старшей сестрой, которую не видела много месяцев. Серьезное веснушчатое личико окаймляли длинные пряди блестящих рыжих волос, выбивавшиеся из-под распитого белого чепчика с завязанными ниже подбородка тесемками.

— Как же ты выросла, милая! — воскликнула Мэри своим грубоватым голосом, глядя Элизабет по волосам и поправляя ее серебряную подвеску. — Тебе ведь уже почти три года?

Элизабет неуверенно взглянула на богато одетую женщину с мрачным лицом и худощавой фигурой. В отличие от матери Элизабет, Мэри нельзя было назвать красавицей: курносый нос, узкий рот, а волосы, хотя и такие же рыжие, как у Элизабет и их отца, закручивались тонкими завитками. И конечно, Мэри была совсем старая — целых двадцати лет от роду, как говорили крохе.

— Я привезла тебе подарки, сестренка, — улыбнулась Мэри, давая знак фрейлине, которая протянула ей деревянную шкатулку. Внутри, завернутые в бархат, лежали янтарные четки и украшенное драгоценными камнями распятие. — Для твоей часовни.

— Красивые, — ответила Элизабет, осторожно перебирая бусины.

— Как дела у моей сестренки, леди Брайан? — Мэри выпрямилась и поцеловала гувернантку. — И у вас? Рада снова вас видеть, хотя и предпочла бы встретиться не при столь печальных обстоятельствах.

— Я тоже, леди Мэри. У нас все хорошо, спасибо, — ответила женщина.

Наблюдавшую за ними Элизабет немного озадачили их слова и мимолетная боль, тенью скользнувшая по некрасивому лицу Мэри.

— Я сама с ней поговорю, — сказала старшая сестра.

Леди Брайан кивнула:

— Благодарю вас, ваша светлость. Но, прошу вас, сперва поешьте — уже почти одиннадцать, и обед готов.

Элизабет больше не слушала их, полностью сосредоточившись на новых четках.

— Я привезла с собой шутовку, чтобы потом развлечься, если понадобится, — сообщила Мэри, и Элизабет наострила уши. Шуты ей нравились, они были смешные.

Пока для Мэри в большом зале торжественно выставляли на стол жареного гуся и горячий салат, Элизабет отправили обедать в детскую.

— Надеюсь, ваша светлость нас извинит, — сказала няня, обращаясь к леди Мэри. — Ее светлость леди Элизабет пока слишком мала, чтобы есть вместе со взрослыми.

Заставив девочку еще раз присесть в реверансе, она увела ее за руку.

Едва они ушли, Мэри положила нож и печально покачала головой.

— Даже не знаю, как ей сказать, Маргарет, — угрюмо проговорила она, ища поддержки у своей бывшей гувернантки.

Леди Брайан успокаивающе коснулась ее руки:

— На вашем месте я не была бы с ней слишком откровенной, госпожа.

— Нет, конечно, — с горячностью согласилась Мэри. — Часто ли она говорит о матери? Думаете, она сильно расстроится? Вряд ли она могла столь близко ее знать.

— Боюсь, да. Ее светлость — я имею в виду ее мать — постоянно держала девочку при себе, куда больше, чем подобает ко-

ролеве. Если помните, она даже отказалась от кормилицы, — неодобрительно фыркнула леди Брайан.

Мэри с нарастающей тревогой взглянула на нее, боясь неизбежного:

— Думаете, она поймет?

— Она многое понимает, — ответила леди Брайан. — Миледи развита не по годам. Она очень сообразительная девочка, и ума ей не занимать.

— Но при всем при том она еще ребенок, — возразила Мэри, — так что постараюсь объяснить ей все как можно мягче. И да помогут мне Пресвятая Дева и все святые.

Видя ее беспокойство, леди Брайан попыталась перевести разговор на другую тему, но, пока она и сэр Джон беседовали о домашних делах и погоде, без особого аппетита гоняя по тарелкам кусочки еды, Мэри, сердце которой было исполнено любви и сострадания к сестренке, не могла думать ни о чем, кроме как о предстоявшей тяжелой задаче.

«Почему?» — спрашивала она себя. Почему она согласилась приехать и исполнить ужасное поручение? Само существование Элизабет причиняло ей безмерную боль и страдания; именно из-за матери Элизабет, откровенной шлюхи Анны Болейн, Мэри лишилась всего самого дорогого в жизни: собственной матери — праведной королевы Екатерины, положения, перспектив на трон и замужество, а также любви ее отца-короля. И все же Мэри понимала, что ей не за что ненавидеть невинное дитя, — более того, она одарила очаровательную малышку всей любовью, на какую была способна, и теперь, когда жестокий удар судьбы обрушился и на Элизабет, она могла лишь сострадать малышке.

Как только трапеза завершилась, Элизабет снова привели к сестре, и они вместе вышли из дворца в залитый солнцем парк в сопровождении следовавших на некотором отдалении слуг. Под яркими лучами дневного светила, при почти полном безветрии, сестры в шелковых платьях с длинными рукавами изнемогали от жары. Элизабет спасала широкополая соломенная шляпа; Мэри же мучилась в нарядном французском уборе с завязками ниже подбородка. По ее сжатым губам Элизабет догадалась, что та чем-то расстроена.

— Я много думала о тебе, сестренка, — заговорила Мэри. — Я должна была приехать повидаться с тобой, убедиться, что у тебя все хорошо, и... — Голос ее затих.

— Спасибо, сестра, — ответила Элизабет.

Мэри снова погладила длинные рыжие кудри, выбивавшиеся из-под соломенной шляпы, и вновь закручинилась. Девочка, как бы ни была юна, почувствовала ее горе.

— Что случилось? — спросила Элизабет. — Почему ты такая грустная?

— О милая моя Элизабет! — воскликнула Мэри, опускаясь на колени в траву и крепко обнимая сестренку.

Элизабет высвободилась — будучи замкнутым ребенком, она не любила, когда ее тискали. Но Мэри ничего не замечала — она горько плакала. Элизабет увидела леди Брайан, которая пристально наблюдала за ними, стоя неподалеку с фрейлинами Мэри и нянями, и ее озадачило, почему гувернантка не спешит ей на помощь.

— Иди сюда, сестренка, — позвала Мэри, всхлипывая и промокая глаза белым платком. — Сядем.

Она потянула Элизабет в тень дуба на каменную скамью, откуда открывался величественный вид на дворец из красного кирпича за ухоженным садом, и усадила на нее девочку.

— Наш отец велел мне кое о чем тебе сообщить, и ты очень расстроишься, — сказала Мэри. — Будь смелой девочкой... как и мне пришлось в свое время.

— Я смелая, — не слишком убежденно заверила ее Элизабет, со страхом гадая, о чем пойдет речь.

Внешне ничего не изменилось — ее распорядок дня оставался прежним, прислуга все так же приседала перед ней в реверансе и относилась к Элизабет с должным почтением. Если бы не слова ее гувернера, она бы даже не поняла, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

— А почему, — спросила она ясным мелодичным голосом своего гувернера, сэра Джона Шелтона, — вчера вы называли меня «леди принцесса», а сегодня просто «леди Элизабет»?

Застигнутый врасплох, сэр Джон Шелтон потерял роскошную каштановую бороду и нахмурился. Поколебавшись, он по-

смотрел на стоявшую перед ним Элизабет, чей стальной взгляд повелевал дать ответ. Уже не впервые его потрясала ее врожденная королевская властность, не подобавшая, по его мнению, женщине, но достойная восхищения в принце — наследнике, в котором столь отчаянно нуждалась Англия.

— Так приказал король, ваш отец, — осторожно объяснил он.

— Почему? — спросило дитя, сузив темные глаза.

— Приказы короля всегда должны исполняться, — заявил сэр Джон.

Лицо девочки помрачнело, она надула губы и нахмурила брови. Сэр Джон уклонился от ответа на ее вопрос, но Элизабет не собиралась отступать. К счастью для него, вошла леди Брайан, как всегда выглядевшая безупречно в темном бархатном платье. Она командовала армией нянек и слуг с тех пор, как ее королевской подопечной в возрасте трех месяцев выделили собственную прислугу.

Леди Брайан несла стопку свежевystиранного и умощенного травами белья, направляясь к резному сундуку в изножье кровати Элизабет. Увидев сэра Джона, заведовавшего всем хозяйством, она грациозно присела, нисколько не умалив своего достоинства, а затем наклонилась, собираясь сложить белье в сундук, но Элизабет потянула ее за юбку. Гувернантка, знавшая все на свете, наверняка могла ответить на ее вопрос.

— Миледи, — молвила она, — я спрашивала сэра Джона, почему он называл меня вчера «леди принцесса», а сегодня «леди Элизабет». Почему так?

К удивлению Элизабет, на глазах гувернантки выступили слезы. Неужели леди Брайан, неизменно спокойная и сдержанная, готова расплакаться? Она всегда учила Элизабет, что женщина не должна выдавать своих чувств, никогда не смеялась громко и не давала воли слезам. Девочка не могла даже вообразить подобного, и это привело ее в оторопь. Но, возможно, ей просто показалось, потому что, когда она снова взглянула на леди Брайан, та уже полностью овладела собой.

— У вас новый титул, миледи Элизабет, — сообщила она, явно пытаясь приободрить ее. — Так распорядился его величество король.

— Но почему? — настаивала девочка. Она чувствовала — от нее что-то скрывают...

— Наверняка у короля имелись на то свои причины, — отрезала леди Брайан тоном, не допускающим дальнейших дискуссий. — Лучше скажите, где куклы, с которыми вы играли?

— Я уложила их спать, — без особого интереса ответила Элизабет.

— Утром? Что за притча! — воскликнула гувернантка. — Взгляните, у меня тут в корзинке красивый шелк и несколько кусочков холста. Принесите-ка свою лучшую куклу, а я помогу вам сделать ей чепчик.

Элизабет нехотя побрела к миниатюрной колыбели возле ее кровати. Ясно было, что ответов на свои вопросы в ближайшее время она не получит.

Элизабет часто сидела с гувернанткой, которая учила ее тому, что полагалось знать всем хорошо воспитанным девочкам. Они разглядывали красочные картинки в роскошных книгах, которые дал король, или перебирали шелк для вышивания, причем леди Брайан позволяла девочке самой выбирать цвета. Потом она учила Элизабет, как делать ряды из разных стежков. Элизабет обучалась быстро и легко. Она уже знала алфавит и числа от одного до ста, а в часовне пыталась разобрать латинские слова мессы.

— Что говорит отец Мэтью? — допытывалась она, и леди Брайан прикладывала палец к губам, терпеливо объясняя вполголоса.

После службы Элизабет донимала священника, требуя, чтобы тот научил ее столь занятым словам и фразам.

— Должен признать, у миледи принцессы есть дар к языкам, — сказал священник сэру Джону Шелтону и леди Брайан.

Он оказался прав: Элизабет достаточно было услышать слово, чтобы запомнить его навсегда.

Когда вышивание надоедало — все-таки Элизабет шел всего третий год, и ее непоседливая натура постоянно требовала чего-то нового, — леди Брайан всячески отвлекала ее от дум, заполняя день всевозможными развлечениями. Элизабет гуляла в обширном парке Хэтфилда, обреталась в конюшне, общаясь со своим пони в яблоках, или на кухне, наблюдая, как повар готовит марципан, который ей разрешали попробовать после того, как тот остывал, — Элизабет отличалась неумеренной любовью

к сладкому. Потом следовала сказка — не слишком мрачная, что-нибудь вроде старой истории мастера Чосера про петуха Шантеклера, над которой Элизабет всегда от души смеялась, — а затем легкий ужин, состоявший из густого супа и хлеба, молитва и отход ко сну.

Когда Элизабет устраивалась в уютной постели на пуховом матрасе и накрахмаленных простынях, под бархатным покрывалом и балдахинном с вышитым гербом Англии, леди Брайан крестила ей лоб и усаживалась с книгой в высоком кресле возле камина, рядом с мерцающей свечой. В комнате было тепло, и вскоре она засыпала, уронив книгу на колени.

Но Элизабет не спала. Она лежала с открытыми глазами, размышляя над загадками и чудесами, которыми полнилась ее жизнь...

Самые ранние воспоминания были связаны с отцом — ее рослым, величественным родителем, королем Генрихом Восьмым, самым чудесным существом в мире. Больше всего Элизабет ждала, что не могла видеться с ним как можно чаще. Редкие дни, когда он навещал ее в Хэтфилде, становились самыми радостными в ее жизни. Похожий на Бога в своих роскошных бархатных одеждах и мехах, украшенных драгоценностями, он щекотал ее ниже подбородка, а после подбрасывал в воздух и крутил вокруг. Элизабет визжала от восторга, ее чепчик с ленточками сползал набок, длинные рыжие локоны развевались на ветру.

— Как дела у моей малышки Бесси? — спрашивал он. — Тебя заставляют сидеть за книгами и молитвами? Или, как им велено, разрешают играть, когда захочешь?

Он заговорщицки подмигивал, и Элизабет понимала — можно спокойно отвечать: да, она много играет и ей очень нравится последняя кукла или игрушка, что он ей прислал.

— Но я учу буквы и катехизис, сэр, — добавляла она.

— Очень хорошо, очень хорошо, — говорил он, усаживая ее на свои широкие мощные бедра, и она прижималась щекой к яркой грубой ткани его камзола, украшенного самоцветами и золотом.

Она вдыхала его благоуханный запах — аромат трав, мускусных духов и бескрайних просторов — и устраивалась поудобнее,

с наслаждением чувствуя, как его жесткая рыжая борода щекочет ей лоб.

— А знаешь, Бесси, — сказал он однажды, — когда я был молодым королем, мне не хотелось ни читать молитвы, ни заниматься государственными делами. Я хотел наслаждаться жизнью. И как ты думаешь, что я делал? Я выбирался из дворца по черной лестнице и уходил на охоту, а мои советники даже не догадывались, что меня нет.

— И вас не наказывали? — потрясенно спросила Элизабет.

— Ха! — взревел отец. — Я король. Они никогда бы не посмели!

— И если ты король, можно делать все, что захочешь? — спросила она, воображая новые горизонты.

— Конечно, — ответил отец. — Люди обязаны исполнять мою волю.

В его голосе прозвучали резкие нотки, которых она, будучи слишком маленькой, не заметила.

— Тогда, — изрекла она, — я стану королем, когда вырасту.

Она не поняла, почему ее слова так его рассердили. Внезапно он превратился из любящего отца в человека из стали, лицо заледенело, глаза злобно вспыхнули. Не говоря ни слова, он снял ее с коленей, не слишком бережно поставил на пол и выпрямился во весь свой внушительный рост.

— Ты никогда не сможешь стать королем, — проговорил он столь же спокойно, сколь и грозно. — Пока у тебя нет брата, ты моя наследница, но женщина не должна править ни по законам природы, ни по Закону Божьему. Так что хватит глупостей, ибо у меня будет сын, который станет моим наследником!

А потом он ушел, и его широкоплечая фигура скрылась за дверью детской. Но с тех пор он появлялся еще не раз, по-прежнему веселый и шумный, как будто ничего не случилось, и она поняла, что его приступы ярости подобны штормам, которые приходят и уходят.

Каждый раз, когда приезжал отец, ее спокойный и упорядоченный мир взрывался многообразием красок, весельем и шумом. Отца всегда окружали роскошно одетые джентльмены и леди, оказывавшие ей знаки внимания, а также сопровождали полчища министров, чиновников и слуг, многие из которых, как ей говорили, были очень важными особами. Она наблюдала, как

они старались угодить отцу, и восторгалась тем, как они беспрекословно выполняли его приказы. Как же чудесно быть дочерью такого короля!

Отец часто говорил, что она высокая леди. Все должны были ей кланяться и никто не смел отнестись к ней непочтительно, ибо она тоже была очень важной персоной. Именно потому она жила вдали от королевского двора в своем собственном доме, с личной прислугой. Она была принцессой Англии, и, как рассказала ей леди Брайан, однажды, если Бог не сочтет нужным послать ей брата, она станет королевой, несмотря на слова отца. Так объявило нечто под названием «парламент», и никто не мог ему возразить.

Но то были воспоминания не столь давние. Первое же, что она помнила, — как отец, показывая дочь лордам и леди, носил ее на руках по дворцу в блистательном мире, где он жил. Оба они были одеты в желтое; она чувствовала, что произошло нечто особенное, хотя и не знала точно, что именно. Отец твердил, как он рад, что умерла какая-то старая ведьма, но Элизабет понятия не имела, о ком идет речь, и лишь смутно осознавала, что значит «умерла».

В тот вечер там была и ее мать, тоже в желтом, — это девочка также помнила. Ее прекрасная стройная мать с иссиня-черными волосами, живым притягательным взглядом и колкой улыбкой. Но куда король расхаживал с Элизабет по залу, приглашая придворных восхититься его дочерью, ее мать разговаривала с другими. Как ни странно, Элизабет почти не помнила, чтобы ее родители были вместе. Они порознь приезжали в Хэтфилд, и она понимала: отец слишком часто занят государственными делами и лишь изредка может выбраться к ней. Ее мать, королева Анна, бывала у нее чаще, привозя с собой своих любимых собак и подарки для Элизабет, большую часть которых составляла изысканная одежда — оранжевое атласное платье, красно-коричневая бархатная юбка, пара малиновых рукавов из тафты, расшитый жемчугом чепец — или кожаная конская упряжь. Мать не устраивала шумных игр, как отец, но сидела с ней в огороженном садике, разглядывая цветные картинки в роскошном издании часослова или играя на лютне, — даже в столь юном возрасте Элизабет уже проявляла способности к музыке, унаследованные от обоих родителей. Будучи более терпеливой, чем

Генрих, Анна, казалось, никогда не уставала от общества дочери. Для Элизабет ее мать была идеальной королевой — прекрасной, сдержанной и доброй, и любовь к ней смешивалась для девочки с глубоким почтением и благоговейным трепетом.

Лежа в постели и рассматривая отблески пламени на стене, Элизабет вдруг поняла, что ее мать уже давно не появлялась в Хэтфилде. Последний раз они виделись несколько недель назад, когда королевский двор был в Гринвиче, но тогда Элизабет сильно расстроилась и испугалась. Впервые за свою недолгую жизнь она ощутила опасность и близкую беду. Мать с отцом злились друг на друга, ужасно ссорились, а потом мать расплакалась и растерялась, и это напугало Элизабет. Она не понимала, из-за чего случился раздор и почему потом мать подхватила ее на руки и снова поспешила к королю. Тот стоял у открытого окна, взирая на сад внизу, и гнев его казался столь осязаемым, что дочь съежилась на руках у матери. Они обменялись грубостями, которых Элизабет не хотелось помнить. Она не желала слышать, как отец называет мать ведьмой и прочими оскорбительными именами. Ведьмы творили зло, но она не могла представить, что мать занимается тем же. И что такое плюха? Почему мать так расстроилась только из-за того, что застала короля с какой-то девицей по имени Сеймур на коленях? В этом же нет ничего страшного — Элизабет сама много раз сидела так же.

Она не могла вспомнить, чем все закончилось. Последнее, что всплывало в памяти, — как мать подняла ее, предлагая отцу взять ее на руки.

— Она твоя законная дочь! — рыдала Анна. — Ты назвал ее своей наследницей, и парламент это одобрил. Она твоя — только взгляни на нее!

Отец мрачно хмурился, лицо его побагровело от гнева. Он не взял дочь на руки. Элизабет вывернулась и в страхе уткнулась лицом в обтянутое шелком плечо матери. Потом королева куда-то спешила с ней на руках, чуть не бегом минуя роскошные покои, пока не добралась до каморки с деревянными стенами, занавешенными ярко-голубой тканью. Там был молодой человек в одежде священника, а когда мать поставила Элизабет на пол и преклонила колени на молитвенной скамье перед маленьким алтарем, он успокаивающе положил руку на плечо королевы.

— Поведай мне все, дочь моя, — призвал он.

— Возможно, у меня мало времени, — загадочно и тревожно прошептала мать. — Доктор Паркер, пообещайте мне кое-что. Поклянитесь, что сделаете по-моему.

— Сделаю все, что в моих силах, мадам, — ответил тот.

Его грубоватые черты лучились великой добротой. Потом королева Анна встала и, задыхаясь, зашептала ему в ухо, чтобы Элизабет не слышала. Лицо доктора Паркера посуровело.

— Если со мной что-то случится, — уже громче закончила королева, — прошу вас позаботиться о благополучии моей бедной девочки. Обещайте, что не оставите ее.

Добряк, не задумываясь, пообещал, и у Элизабет возникла надежда, что он потолкует с ее отцом-королем и скажет, чтобы тот больше не грубил матери. Само то, что отец, перед которым она преклонялась, так обходился с ее матерью, ужасало Элизабет не меньше, чем страдания Анны. Происходившее было выше ее детского понимания, и ей хотелось одного — скрыться в маленьком надежном мирке, где она до сих пор жила, в котором родители пребывали в согласии и она была в полной безопасности, окруженная их любовью.

Вскоре после этого Элизабет отправили назад в Хэтфилд с новой куклой в руках — прощальным подарком от матери. Когда она, держась за руку леди Брайан, пришла попрощаться с отцом, тот выглядел таким же жизнерадостным, как всегда. Он погладил ее по голове, поцеловал в щеку, и она поняла, что снова стала для него прежней Бесси. За повседневными занятиями и играми она начала забывать случившуюся в Гринвиче неприятность, веря, что в ее маленьком мире все теперь хорошо.

Пока сэр Джон Шелтон не назвал ее «леди Элизабет».

Мэри смотрела на сводную сестренку, слишком маленькую, чтобы в полной мере осознать то, что она собиралась сказать малышке, и ее переполняли смешанные чувства. Она души не чаяла в девочке, зная, что та лишь невинное дитя, на которое нельзя возлагать ответственность за зло, которое ее мать причинила Мэри и ее собственной матери, королеве Екатерине. И все же она не могла забыть, что Элизабет — дочь Анны Болейн, а Мэри ненавидела Болейн больше, чем любого смертного на земле.

Она убеждала себя, что Болейн следует простить, как того требовала ее вера. Но это было трудно, даже просто невозможно, ибо раны оказались слишком глубокими. Если бы не Анна Болейн, ее отец не пошел бы на гибельный разрыв с папой, мать не умерла бы в одиночестве, брошенная всеми, а саму ее никогда не объявили бы незаконнорожденной — ее, истинную наследницу трона, — и не вынудили прислуживать маленькой Элизабет. Но ее отец — и опять-таки ее охватили смешанные чувства, ибо она любила его вопреки всему, — вспылал чувствами, околдованный черными глазами и коварными чарами шлюхи Анны Болейн, после чего двадцать лет скромного и любящего супружества с королевой Екатериной рассыпались в прах, и мир Мэри обратился в руины.

Ее праведная мать с величайшим терпением и стойкостью перенесла неприятие, оскорбления, изгнание и смертельную болезнь, постоянно настаивая, что она истинная жена короля, и веря все эти горькие годы, что однажды король одумается, — даже после того, как тот отверг ее и женился на Анне; даже несмотря на угрозы Анны казнить Екатерину и Мэри за их отказ признать этот брак, который, как знала Мэри, не был законным.

Мэри молилась на коленях, чтобы Бог даровал ей такие же терпение и стойкость. Но она была молода, несчастна и глубоко возмущена, и ей отчаянно недоставало матери. Она постоянно тосковала по утешению, которое могла дать ей лишь Екатерина, и даже пять лет вынужденной разлуки не могли тому помешать. Не воспрепятствовала и смерть, ибо Екатерины уже полгода как не было в живых. Мэри не сомневалась, что ее отравили по приказу той женщины. Она какое-то время болела, а когда ее тело вскрыли, оказалось, что сердце ее почернело и сгнило. Что еще могло стать тому причиной, если не яд? А потом ее отец вместе со своей шлюхой, одевшись в желтые одежды — как они говорили, в знак траура, — показывали всему двору Элизабет, злорадно торжествуя и радуясь своему триумфу.

Анна торжествовала недолго. В тот же день, когда похоронили Екатерину, у нее случился выкидыш — сын, которого столь отчаянно желал король, так и не родился. Она подвела его точно так же, как подвела Екатерина. Он был королем Англии двадцать семь лет, но у него до сих пор не было сына, который мог бы уна-

следовать трон. Только две дочери, обе теперь объявленные незаконнорожденными.

Мысли Мэри вновь вернулись к предстоявшей задаче, заставив ее поежиться. Элизабет вопросительно смотрела на нее черными глазами. За исключением цвета волос, она была полностью ребенком Анны Болейн — даже ее руки с длинными пальцами были такими же, как у Анны. Мэри вспомнила, что у Анны был шестой палец — дьявольская метка, как говорили некоторые, зная, что теперь можно наконец открыто ее поносить. Но очернителей у той теперь было не так и много, ибо, как ни удивительно, в свете недавних событий число сочувствующих начало расти...

Да, Элизабет была ребенком своей матери во всем — во внешности и смекалке, в переменчивом темпераменте и тщеславии. Она уже держалась с подобающим достоинством, наслаждаясь роскошными платьями и любясь собой в зеркале. Но был ли ее отцом король Генрих? Мысль эта мучила Мэри с тех пор, как она услышала обвинения в адрес игрока на лютне Марка Смитона. Мэри уже много лет не была при дворе и никогда его не видела, но некоторые ее подруги считали, что Элизабет похожа именно на него, хотя, конечно, наверняка сказать не могли, поскольку никогда не обращали на Марка особого внимания, пока он не завоевал известность. Однако мысль эта беспокоила Мэри, хотя никто другой, даже король, не высказывал подозрений, будто Марк — отец Элизабет. При виде Элизабет она всякий раз сознательно или бессознательно разглядывала дитя, надеясь уследить в сестре хоть что-то от короля.

Она решительно отбросила подобные мысли. Кем бы ни был отец девочки и кем бы ни была Анна Болейн, Элизабет оставалась беспомощным ребенком, которому предстояло услышать, что ее мать умерла. Мэри решила быть с ней как можно мягче, чему помогла ее природная доброта.

Элизабет беспокойно болтала ногами в ожидании, когда Мэри наконец что-нибудь скажет. Ей было не по себе от взгляда сестры, печального и сомневающегося одновременно. Мэри положила ладонь на руку девочки:

— Элизабет, милая, ты знаешь, что такое измена?